

Виктория Токарева

Мужская верность

И з д а т е л ь с т в о   « А з б у к а »

Виктория Токарева

Мужская верность (сборник)

«Азбука-Аттикус»

2002

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

Токарева В. С.

Мужская верность (сборник) / В. С. Токарева — «Азбука-Аттикус», 2002

ISBN 978-5-389-11325-1

«— Спасибо. Вы очень любезны, — сухо проговаривала Марина, чтобы ввести учительскую в заблуждение. Пусть думают, что она разговаривает по делу. Но любовь — разве это не дело? Это самое главное из всех дел, какие существуют в жизни человека».

УДК 821.161.1-3Токарева
ББК 84(2Рос-Рус)6-44-я43

ISBN 978-5-389-11325-1

© Токарева В. С., 2002
© Азбука-Аттикус, 2002

Содержание

Своя правда	6
Марина	6
Москва	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Мужская верность (сборник)

© Токарева В. С., 2000, 2002

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

* * *

Своя правда

Марина

Ее жизнь была проста и сложна одновременно. Впрочем, как у каждого человека.

Марина Ивановна Гусько родилась в простой русской семье, в городе Баку. Баку – в те далекие советские времена – интернациональный город, объединивший все народы, живущие в мире и братстве.

Жизнь протекала во дворах.

Маленькая Марина играла с соседскими детьми – Хачиком, Соломончиком, Поладом и Давидом. Приходило время обеда, из окон высывались мамы и бабушки и звали детей, каждая со своим акцентом. И все было привычно. Иначе и быть не могло.

Марина любила бегать к морю и залезать с мальчишками на нефтяную вышку, на самый верх. Это было опасно. Дети могли легко сорваться, разбиться, соскользнуть в смерть. Они не осознавали этой опасности. Дети.

Родителям было не до Марины. Она сама формировала и сама заполняла свой день. Набегавшись, возвращалась домой, спала без задних ног. При этом задние ноги были грязные и в цыпках. Однако – детство, начало жизни, ее нежное сияние. Марина любила постоянно орущую мать, постоянно дерущегося брата. Любят ведь не за что-то. Просто любят, и все.

Марина училась на три и четыре. По пению – пять. Она хорошо пела – сильно и чисто. Ее всегда ставили запевалой. Она становилась впереди хора, исполняла запев. А хор подхватывал – припев. Какое это счастье – стоять впереди всех и петь индивидуально...

Марина окончила школу и поступила в педагогический институт. Учитель – это всегда хорошо. Почетно и сытно.

Марина видела своими глазами, как азербайджанские родители таскали учителям корзины с продуктами: домашние куры, фрукты, зелень. Учителя в ответ ставили нужные отметки. Зачем глубинные знания восточным девочкам? После школы выйдут замуж, будут рожать детей. Математика понадобится только для того, чтобы считать деньги на базаре. А русский может не понадобится вообще.

Марина помнила заискивающие лица родителей и учеников. Ей это было по душе: держать в страхе и повиновении. Как Сталин всю страну, но в более мелком масштабе.

Марина хотела властвовать. Так она побеждала комплексы униженного детства.

В студенческие годы у нее было одно платье. Вечером стирала, утром гладила. Но даже в этом одном платье в нее влюбился Володька Сидоров из политехнического института. Они познакомились на танцплощадке.

Прежде чем пригласить Марину, Володька заслал к ней своего друга Бориса – спросить: пойдет ли она с ним танцевать?

Борис – высокий красавец, подошел к Марине, у нее сердце всколыхнулось. Она готова была упасть в его руки. А оказывается, Борис просто спросил: пойдет ли она танцевать с его другом?

– А где он? – разочарованно спросила Марина.

Володька приблизился – коротенький, широкоплечий, как краб. Не Борис, конечно. Но и не урод. Почему бы не потанцевать? Мог бы и сам подойти.

На другой день они отправились в кино. Володька в темноте взял ее руку. Марина хотела в туалет по малой нужде, но выйти среди сеанса было неудобно. Она терпела, мучилась, и Володькина нежность не производила должного впечатления.

После сеанса отправились в парк. Володька прислонил Марину к дереву и, нажимая на ее тонкий девичий стан, стал впечатывать свои губы в ее губы.

Современная девушка сказала бы запросто: отойди на пять шагов и отвернись. И через десять секунд жизнь приобрела бы совсем другие краски. Но девушки пятидесятых годов – это другое дело. Мальчик не должен знать, что в девушке скапливается моча, – это стыдно. Они вообще Дюймовочки, рожденные в цветке.

Короче говоря, Марина описалась в тот самый момент, когда Володька ее целовал. Было темно, ничего не видно, только слышен шум падающей струи.

Володька повертел головой на короткой шее и спросил:

– Что это?

Марина тоже повертела головой, как бы прислушиваясь, и спросила:

– А где это?

Потом она быстро увела Володьку от этого дерева к другому и целовалась с другим настроением, полностью участвуя в поцелуе, изнывая от томления. Единственное – тормозила его руки, когда они соскальзывали ниже талии.

Вечером опять пришлось стирать платье. Володька ничего не заметил в тот раз. А если бы даже и заметил – легко простил. Его ничто не могло свернуть с пути познания Марины, ее тепла, ее запаха и тайных тропинок. Он хотел познавать – дальше и глубже, и долго. Всегда.

Они поженились.

Мать рассказывала соседям: как ни придешь, всегда лежат. И это правда.

Через девять месяцев у них родился ребенок. Мальчик. Хорошенький, со светлыми кудряшками, как Ленин в детстве.

У Марины – сессия, ребенок – в яслях. Придешь забирать – он мокрый по горло, простуженный, недокормленный. Голова идет кругом: не знаешь, за что хвататься – за пеленки или за конспекты? В зеркале Марина натыкалась на свое серое лицо с синяками под глазами. Хотелось лечь и ни о чем не думать, заснуть летаргическим сном. Володька не помогал, у него одно на уме. Марина подчинялась с обреченностью овцы, но, даже занимаясь любовью, думала о том, где взять денег, что сварить на завтра, как сдать экзамен.

Принято считать, что материнство – счастье. Счастье – когда есть деньги, есть помощники. Когда есть все, и ребенок – ко всему.

А когда нет ничего, сплошные нагрузки, то ты уже не человек, а лошадь под дождем.

Прошло десять лет.

Володька после института работал на заводе маленьким начальником. Шум, грохот, пьяные работяги. Трезвыми они бывали до обеда, то есть до двенадцати часов. А после двенадцати – святое дело. И Володька с ними. Но меру знал. Его уважали.

На работе Володьке нравилось. Он вообще любил работать. Ему было интересно в процессе. Конечная цель определена, и каждый день – продвижение к цели.

А дома – скучно. Марина вечно чем-то недовольна, вечно ей мало денег. Сын постоянно что-то требует: то катай его на спине, то учи уроки, то играй в прятки. А Володька устал. Какие прятки... Он предпочитал лечь на диван и уснуть.

Он так и поступал. Газету на лицо – и на погружение.

Появлялась Марина и начинала дергать вопросами, как рыбу за крючок. Володька всплывал из своего погружения, разлеплял глаза. Ну не может он приносить больше, чем ему платит государство. Не может он идти в гости, ему там скучно. Он может работать и спать. Да. Такой у него организм.

Противоречия со временем не рассасываются, а усугубляются. Марина в знак протеста игнорировала супружеские обязанности, отказывала в жизненно необходимом. И все кончилось тем, что у Володьки появилась любовница – армянка. Марине передали: с волоса-

тыми ногами. Раньше он приходил домой, ел и спал. А теперь – приходил, ел и уходил. Спал у армянки.

Начались скандалы на новую тему. Раньше было две темы, теперь стало три.

Марина решила гнать неверного мужа из дома, но мать сказала:

– Ты что, сошла с ума? Кто же отдает родного мужа в чужие руки?

Марина задумалась. Ей стало обидно, что Володька – ее, и только ее, – вдруг нашел другие ноги, глаза, не говоря об остальном.

Марина работала в школе, в младших классах. Проверка тетрадей съедала все свободное время.

В учительской активно обсуждали ее семейную ситуацию. Марина поделилась с подругой, географичкой, а то, что знают двое, – знает свинья. В песне поется: «Мне не жаль, что я тобой покинута, жаль, что люди много говорят...»

У Марины было чувство, что она голая стоит посреди учительской, а все ходят вокруг нее кругами и рассматривают с пристрастием. Было стыдно, холодно и одиноко.

Большинство коллектива держало сторону Марины: самостоятельная, в порочащих связях не замечена, прекрасный специалист. Дисциплина в классах – как в армии, учебный процесс обеспечен. И закон на ее стороне: штамп в паспорте, ребенок. Семья. А армянка – кто такая?

Но были и сторонники армянки. Говорили, что, как всякая восточная женщина, армянка беспрекословно подчиняется мужчине, не задает лишних вопросов, не критикует, упаси бог. Только вкусно готовит и подчиняется. Ну и отдается с большим энтузиазмом. Всю душу вкладывает. И опять же – южный темперамент. Ну и глаза – большие и бархатные. У всех южных людей большие и красивые глаза. Вырисовывался привлекательный образ: красивая, кроткая, покорная, темпераментная... Володьку можно понять.

Марина пригорюнилась. Что делать?

Укреплять семью, дружно посоветовали в учительской. Родить второго ребенка. Ребенок привяжет. И опять же алименты. На двоих детей – тридцать три процента. Зачем армянке алиментщик? Армяне умеют считать деньги. А если родится девочка, Володька вообще никуда не денется. Отцы любят девочек как ненормальные.

Сказано – сделано. Марина изловчилась и зачала ребенка. А через девять месяцев родилась девочка. Назвали Снежана. Имя – нежное, нерусское. Марина предпочитала все нерусское, это называлось «преклонение перед Западом». Хотя скоро выяснилось, что Снежана – болгарское имя. Курица – не птица, Болгария – не заграница. Лучше бы назвали Мария, международный стандарт. Но Снежана осталась Снежаной, сокращенно – Снежка. Это имя ей очень шло.

Володька ходил задумчивый, но образа жизни не поменял. После работы приходил домой, ел и уходил. А основная его жизнь протекала у армянки.

– Хочешь, я его изобью? – спросил Павел, старший брат Марины.

– Не знаю, – задумчиво ответила Марина.

Она действительно не знала, что делать. С одной стороны, ей хотелось избить и даже убить Володьку, чтобы не достался никому. А с другой стороны, он был ей дорог именно сейчас, когда ускользал из рук. Марина вдруг увидела в нем массу достоинств: немногословный, честный, трудяга, а главное – мужик. Мужская сила – в глазах, в развороте плеч и в верности, как это ни странно. Он больше десяти лет был верен Марине, теперь до конца дней – той. Видимо, одной женщины маловато для мужского века.

Павел избил Володьку без разрешения. По собственной инициативе. Так он защищал честь сестры. Не один, а с товарищем. Они метелили Володьку, пока он не упал. А когда упал – дали пару раз ботинком в морду. От души. Володька вернулся домой, выплюнул зубы, собрал вещи. И уехал из города. Вместе с армянкой. Боялся, что и ее побьют.

Марина отчитала Павла. Он сорвал всю схему. Девочка бы росла, Володька бы привыкал и, возможно, оторвался от армянки. А если не оторвался, жил бы на два дома. Все лучше, чем ничего. А что теперь? Тридцать два года, двое детей. Кому нужна? Кому нужны чужие дети...

Надо было выживать. Но как?

Марина отдала девочку в ясли, и сама в ясли – работать. Пришлось уйти из школы. В яслях обе сыты, дочка присмотрена. И еще домой прихватывала из столовой: кастрюльку супа, сверху – кастрюльку котлет с лапшой, в банку – компот из сухофруктов. Получалось полноценное питание для сына Сашки – белки, витамины. Жить можно, с голоду не помрешь. И на одежду хватало: зарплата плюс Володькины алименты. Были сыты, одеты и даже принаряжены. На праздниках Снежана смотрелась лучше всех, в бархатном зеленом платье и лаковых туфельках.

Но не хлебом единым жив человек. Особенно в молодые годы.

Директор детского сада подкатывался к Марине, но у него изо рта воняло горохом. Говорят, нелюбимые плохо пахнут. А любимые – благоухают. Взаимное тяготение скрыто в запахах. Как у собак. Просто люди об этом не догадываются.

Марина не могла целоваться с директором. Ее мутило.

Потом возник вдовец. Познакомились в очереди за картошкой. Вдовец с ребенком – мальчик, Сашин ровесник. Не старый, лет сорока пяти. Приличный. Марина стала присматриваться: жилплощадь, зарплата... Но однажды вдовец произнес такую фразу:

– Ты своего сына отдай матери. А Снежана пусть останется с нами. У нас будет двое детей – твоя девочка и мой сын. Порвну.

Когда смысл сказанного дошел до Марины, а дошел он быстро, в течение минуты, вдовец перестал существовать. То есть физически он еще стоял посреди комнаты, но для того, чтобы дойти до порога, одеться и выйти за дверь, ему понадобилось три минуты. После чего он исчез из ее жизни и из ее памяти.

Саше к тому времени было двенадцать лет. Длинненький, с крупными коленками на тонких ногах, как олененок. Он везде ходил следом за матерью, носил тяжелые сумки, помогал, как настоящий мужчина. Марина советовалась с Сашей по части прически и макияжа. И он давал совет типа: «Не крась губы фиолетовой помадой, ты в ней как утопленница...» Марина стирала с губ модный в те времена фиолетовый цвет, заменяла на нежно-розовый. И действительно становилась моложе и естественнее.

Марина любила сына до судорог, хотя видела его недостатки: ленивый, безынициативный... Но при чем здесь достоинства и недостатки, когда речь идет о собственных детях. Недостатки Марина тут же превращала в достоинства. Ленивый, но зато не нахальный. Скромный. А эти «не ленивые» прут, как носороги, попирая все человеческие ценности.

Когда за вдовцом хлопнула дверь, Марина заплакала. Но слезы были светлые и крепкие. Она поняла, что ей ничего не светит по части любви и надо жить ради детей и ставить их на крыло.

Снежана пошла в первый класс, и Марина вернулась в школу. Снежана училась хорошо, хватала на лету. Было ясно, что девочка неординарная. И другие замечали.

Марина уже ничего не ждала для себя лично, и в этот момент судьба сделала ей царский подарок. Этот подарок назывался Рустам.

Сначала Марина услышала его голос.

Она сидела дома, проверяла тетради, когда зазвонил телефон. Марина сняла трубку и отозвалась:

– Алё!..

– Попросите, пожалуйста, Джамала, – сказал приятный мужской голос.
– Вы не туда попали, – вежливо ответила Марина и положила трубку.
Сосредоточилась на проверке тетрадей, но снова зазвонил звонок и тот же голос попросил:

– Позовите, пожалуйста, Джамала...
– Я вам уже сказала: вы не туда попали. – Марина положила трубку.
Прошло пять секунд. Звонок.
– Нет тут никаких Джамалов, – с легким раздражением отчитала Марина. – Вы какой номер набираете?

Приятный мужской голос проговорил нужный ему номер.
– Ну вот так и набирайте, – велела Марина.
– Извините, – отозвался приятный баритон.
Марина положила трубку, но уже не могла сосредоточиться на работе. Ей казалось, он снова позвонит. И он позвонил.

– Алё! – гавкнула Марина.
В трубке молчали. Несчастный обладатель баритона уже не решался позвать Джамала.
– Это вы? – проверила Марина.
– Это я, – честно отозвался баритон.
– На телефонной станции неправильно соединяют, – предположила Марина.
– А что же делать?
– Дайте мне телефон вашего Джамала, я его наберу и скажу, чтобы он вам позвонил.

Как вас зовут?
– Рустам.
– Он вас знает?
– Ну да. Я его родной брат.
– Хорошо. Я скажу, чтобы Джамал вам позвонил. Какой телефон?
– Мой?
– Да нет. Зачем мне ваш? Джамала телефон.

Рустам продиктовал. Марина записала и положила трубку.
Далее она набрала нужные цифры. Подошел голос, как две капли воды похожий на предыдущий. Значит, Рустам и Джамал – действительно братья.

– Позвоните, пожалуйста, своему брату Рустаму, – официально проговорила Марина. – Он не может до вас дозвониться.

– А вы кто? – спросил Джамал.
– Телефонистка.

Марина положила трубку. Сосредоточилась на работе. Она проверила четыре тетради, когда снова раздался звонок.

– Большое спасибо, – сказал Рустам. – Все в порядке.
– Ну хорошо...
– А как вас зовут? – спросил вдруг Рустам.
– А зачем вам? – не поняла Марина.
– Ну... Я к вам привык. У вас такой красивый голос.

Марина усмехнулась.
– А давайте увидимся, в кино сходим, – предложил Рустам.
– А как вы меня узнаете?
– А вы возьмите в руки газету.

Баритон был не опасный и очень нежный. А в самом деле, почему бы и не сходить в кино...

– А сколько вам лет? – спросила Марина.

– Двадцать шесть. Много.

Марина огорчилась. Ей было тридцать два. На шесть лет старше.

Но в конце концов не замуж же выходить. А в кино можно сбежать и с разницей в шесть лет.

– Значит, так, – распорядилась Марина. – На мне будет белый шарфик в черный горох. Если я вам не понравлюсь, пройдите мимо.

– Вы мне уже нравитесь, – простодушно сознался Рустам.

Молодой наивный мальчик. Это тебе не вдовец с копотью жизненного опыта.

Марина оставила Снежку на Сашу. Показала, чем кормить и во сколько. А сама нарядилась, надушилась духами «Белая сирень» и отправилась к кинотеатру.

Марина стояла полчаса и поняла, что Рустам не придет. Вернее, он был, но прошел мимо. Зачем ему нужна русская тетка с двумя детьми... Про детей он, конечно, не знал, но узнал бы. Марина вздохнула и пошла к автобусной остановке, чтобы вернуться домой. Она уже сделала десять шагов, когда перед ней внезапно, как из-под земли, возник Омар Шариф в натуральную величину. Белые зубы, белая рубаша, русая голова. Русский азербайджанец. Такое тоже бывает. Он схватил Марину за руку и сказал, задыхаясь:

– Меня Джамал задержал. Приехал в последнюю минуту.

– А вы бы сказали, что спешите...

– Не могу. Старший брат.

Значит, брата нельзя напрягать, а Марину можно. Мусульманская семейная клановость имела свои достоинства и недостатки, как два конца одной палки.

Марине стало ясно, что эта встреча ничего не даст. Рустам – законченный красавец. Зачем она ему? Даже смешно. Жаль? Ничуть. Она ничего не приобретала, но и не теряла. Еще не вечер, и жизнь впереди. Не этот, так другой. А можно – ни того ни другого. Мужчина нужен для продолжения рода. А дети – уже есть. Программа выполнена.

– На журнал опоздали, – сказал Рустам. – Но ничего...

Он взял Марину за руку, будто знал давно, и они побежали. И белый шарфик в черный горох развевался на ветру.

Журнал уже шел, но их пустили. Они прошли на свои места и сели рядом.

Зерно сыпалось в закрома страны, узбеки собирали хлопок, и он тоже сыпался, как вата. Марина преувеличенно напряженно смотрела на экран, а Рустам – она это видела боковым зрением – смотрел на нее. Присматривался. Примеривался.

Рустам был хороший мальчик из хорошей азербайджанской семьи. Его мать – актриса ведущего бакинского театра – хотела для него хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи, не актрису, не дай бог... Такая девочка все не находилась. Непростое это дело – правильно выбрать подругу жизни, мать будущих детей.

Рустам в темном зале обсматривал русскую молодую женщину, и она нравилась ему все больше. Во всем мягкость: в овале лица, в льняных волосах, во взгляде голубых глаз. У азербайджанских девушек не бывает такой голубизны и такой льняной мягкости.

Когда фильм кончился, Рустам был влюблен окончательно и готов к любой аванюре.

Авантюра затянулась на долгие годы.

«Какое счастье, что Володька меня бросил, – думала Марина. – Иначе я не узнала бы, что бывает такое...»

Рустам работал в правоохранительных органах, в чине капитана. Его отец и брат тоже трудились на этой ниве. Отец – генерал, Джамал – полковник. Может быть, они сами себе давали звания...

Рустам приходил на работу, окидывал взглядом стены кабинета и звонил Марине в школу. Она уже ждала его звонка и сдерживала трубку.

– Позовите, пожалуйста, Джамала... – произносил Рустам.

Марина радостно хохотала, звенела как колокольчик. Рустам слушал ее счастливый звон, в нем все резонировало и отзывалось. Рустам шептал Марине в ухо такие вещи, о которых принято молчать. Марина в ужасе шила глазами по сторонам – не слышит ли кто? Нет. Никто не слышал и даже не догадывался.

Марина обмирала от слов. Пульс начинал стучать в самых неожиданных местах – в горле, например, в губах и много ниже.

– Спасибо. Вы очень любезны, – сухо проговаривала Марина, чтобы ввести учительскую в заблуждение. Пусть думают, что она разговаривает по делу. Но любовь – разве это не дело? Это самое главное из всех дел, какие существуют в жизни человека.

Звенел звонок. Марина брала журнал и шла на урок. Она двигалась как лунатик, глядя в никуда и туманно улыбаясь.

Рустам хватал плащ, выбегал на улицу, запрыгивал в троллейбус. Через двадцать минут он оказывался возле школы. Садился на скамейку и поднимал лицо, наводил взгляд на уровень второго этажа.

Марина подходила к окну. Видела Рустама и наводила свой взгляд на уровень его глаз. Их взгляды пересекались, и по ним текло электричество большой мощности. И если в это электрическое поле попадал комар или жук – падал замертво.

Марина не могла вести урок. А выйти из класса она тоже не могла. Директору бы это не понравилось. Марина давала невинным детям самостоятельную работу, например нарисовать птицу. Или – написать сочинение: как я провел лето. И снова возвращалась к окну. И замирала. И жуки падали замертво, попадая в силовое поле их любви.

Вечерами Рустам учил со Снежаной уроки, играл с Сашей в шахматы. Он был практически мужем и отцом. Дети его любили, особенно Снежка. Она не помнила родного отца. Это место в ее душе занял Рустам. Многие говорили, что они похожи: Снежка и Рустам. И действительно, что-то было.

Иногда ходили в гости. Но это был круг Марины. В свой круг Рустам ее не вводил. Марина имела статус любовницы, а в Азербайджане этот статус не престижен, мягко говоря. Но что они понимают? Ни у кого и никогда не было такой близости. Марина и Рустам вместе ели, вместе спали, вместе думали. И не было такой силы, которая могла бы их растащить по разным пространствам.

Умер Павел – старший брат Марины. Тот самый, который избил Володьку. Болезнь называлась длинно и мудрено: лимфогранулематоз. Заболевание крови. И от чего это бывает?

Марина пошла в больницу брать справку, удостоверяющую смерть. Ей выдали его вещички: пиджак, брючата и часы. Часы еще шли. Марина заплакала. Рустам стоял рядом и страдал. Павла он не знал, но горе любимой видел впервые, и его сердце рвалось на части.

Потом они шли по больничному парку. Рустам вдруг остановился посреди дорожки и стал страстно целовать ее лицо, глаза, рот. Это противоречило мусульманской морали: целоваться среди бела дня при всем честном народе. Это не Франция. Но Рустам игнорировал мораль. Марина отвечала ему так же истово. Казалось бы, горе должно отодвинуть неуместную страсть. Но ничего подобного. Марина топила свое горе в любви, от этого любовь становилась выше, полноводнее, как уровень воды в водоеме, если туда погрузить что-то объемное.

А может быть, горе выбрасывает в кровь адреналин, а счастье – расщепляет и выводит из организма. И человек лечится любовью интуитивно.

Но скорее всего: счастье и горе – два конца одной палки. И составляют единое целое.

У любви есть одно неприятное осложнение: аборт. Предотвратить их было невозможно. Марина не хотела и не могла думать о последствиях, когда попадала в объятия столь желан-

ные. Все остальное меркло в лучах нежности и страсти. Природа мстила за разгильдяйство. У природы свои законы.

К абортам Марина относилась легко, гораздо легче Рустама. Провожая любимую женщину в абортарий, он мотал головой, как ужаленный конь.

– Оставишь ты меня без потомства, – упрекал Рустам. Он хотел ребенка, но предложения не делал. Он хотел оставить все так, как есть, плюс еще один ребенок, сын. Фархадик например.

Однажды Марина задумалась: а почему нет? Пусть будет Фархадик, где два ребенка, там и три.

Марина тянула с очередным абортом. Жалко было убивать плод любви. Она поехала к матери – посоветоваться. Мать жила в поселке под Баку. Марина ехала на электричке и все больше приближалась к решению оставить ребенка. Укреплялась в этой мысли и уже любила маленького.

– И не думай, – жестко отбрила мать. – Зачем плодить безотцовщину? Мало тебе двоих?

– Я его люблю, – тихо сказала Марина.

– И что с того? Азербайджанцы женятся только на своих. У них вера. А с русскими они просто гуляют. С азербайджанками не погуляешь. Там надо сразу жениться. А русские для них – джуляб...

Что такое «джуляб», Марина хорошо знала.

Мать была груба, как всегда. Наверное, она страдала за свою дочь, и это страдание вылезало наружу такой вот бурой пеной.

– Я пойду, – сказала Марина, поднимаясь. – У тебя капустой воняет. Меня тошнит.

Ее действительно тошнило от всего. И от родной матери в том числе.

Марина возвращалась домой и думала о том, что ее мать, к сожалению, не познала женского счастья и не имеет о нем представления. Для нее любовь – это штамп в паспорте и совместное проживание. А что там за проживание? Бездуховный труд, взаимное раздражение и водка как выход из постоянного негатива. Расслабление. Или, как сейчас говорят, – релаксация. Народ самоизлечивается водкой и от нее же вырождается.

Женщины крепче и выносливее мужчин. Мать не пьет, терпит эту жизнь. Но она даже не знает, бедная, как пахнет любимый мужчина.

У Рустама несколько запахов: его дыхание – земляника, подмышки – смородиновый лист, живот – сухое вино. Рустам пахнет всеми ароматами земли, чисто и трогательно, как грудной ребенок. И она готова его вдыхать, облизывать горячим языком, как волчица, и так же защищать.

Володька был эгоистичен в любви. Думал только о себе, как солист. Один и главный, и все должны под него подстраиваться. Рустам – совсем другое дело. Он приглашал в дуэт. Он и Она. Оба старались не взять, а дать счастье. И были счастливы счастьем другого.

О! Как она любила этого человека. Ей нравилось, как он ест: жует и глотает. Как он спит – мирно дышит, и живот ходит под ее рукой. Ей нравилось слушать его речь, хотя это была речь непродвинутого человека. Книжек он не читал. А зачем? Зачем нужны чужие мысли? И зачем разбираться в музыке, когда можно просто петь? А картины существуют только для того, чтобы вешать их на стену. Смотреть – не обязательно.

Его главная реализация – любовь. Вот тут он был великим человеком. Исторгать большое чувство и принять большое чувство – это тоже талант.

Для Марины существовали три ценности: дети, хозяйство и Рустам. Она хорошо готовила, умела и любила колдовать над кастрюлями. Женщина. Ее мать готовила плохо. Детей полулюбила. То есть любила, но ничего для них не делала. Любовь к мужчине для нее – грязь. Спрашивается, зачем живет человек?

И все же после разговора с матерью Марина пошла и сделала аборт. Одним больше, одним меньше.

Рустам тряс головой, вопрошал:

– Как ты можешь убивать в себе человека?

Марина не отвечала. Она могла бы сказать: «Женись, тогда и требуй». Но это – грубо. Если бы Рустам хотел на ней жениться, так она бы знала. А если не делает предложения – значит, не хочет. И разговаривать на эту тему опасно. Можно договориться до разрыва. Остаться с правдой, но без Рустама. Лучше жить в неведение счастливом.

Единственное, что позволяла себе Марина, – это вопрос:

– Ты меня не бросишь?

Он прижимал к сердцу обе руки и тарашил глаза:

– Я тебя никогда не брошу... Мы всегда будем вместе. До смерти.

И она успокаивалась. До смерти далеко. И в каждом дне – Рустам.

Дни действительно бежали один за другим.

Саше исполнилось восемнадцать лет. Его забрали в армию, увезли куда-то. Поселили в казарме.

Через полгода Саша сбежал. Сел на поезд и добрался до Баку. Появился на пороге. Марина все поняла и обомлела. Ноги стали ватные. Побег из армии – это статья. Это тюрьма. А что делает тюрьма с восемнадцатилетним мальчиком – можно догадаться.

Марина кинулась к Рустаму. Рустам – к отцу-генералу. Генерал позвонил куда надо. Саша вернулся обратно. В части сделали вид, что не заметили его отсутствия. Вроде болел, а теперь выздоровел.

Через три месяца потребовался еще один звонок, и Сашу перевели служить под Баку. Он околачивался в военном санатории, подметал дорожки, таскал трубы и кирпичи. Батрачил. На выходные уходил домой. А потом постепенно стал ночевать дома. Все были спокойны. Благодаря кому? Рустаму.

Денег в семейный бюджет Рустам не вносил. Его зарплаты едва хватало на карманные расходы. Но у него в районе жили близкие родственники, и раз в месяц Рустам привозил полную машину небывалых по качеству и количеству продуктов: домашнее вино, битые индюки и поросята, фрукты, зевающие, еще живые, осетры.

Рустам сваливал это все на стол, получался натюрморт такой красоты, что даже жалко есть. Рустам в такие минуты чувствовал себя не нахлебником, а настоящим мужчиной – добытчиком и кормильцем.

Снежана задумчиво смотрела на усопшие мордочки свинячьих детей, на бледную шею индюка – поверженной жар-птицы, и в ее неокрепшей голове всплывали мысли о жестокости. Видимо, жестокость заложена в схему жизни как ее составляющая.

На выходные уезжали к морю: Марина, Рустам и Снежана.

Каспийское море в те времена было чистым, целебным. Рустам заплывал далеко, даже страшно. Снежана в купальничке строила крепость из мокрого песка. Марина и тут хлопотала: чистила овощи, раскладывала на салфеточках. Горячее в термосе, у нее специальный термос с широким горлом, для первого и второго.

Рустам возвращался – холодный, голодный и соскучившийся. Прижимался волосатой грудью к ее горячему телу, нагретому солнцем. Целовал лицо в крупинках песка. Счастье – вот оно! Вот как выглядит счастье: он и она на пустынном берегу...

А мама Рустама все искала хорошую девочку из хорошей азербайджанской семьи. И нашла. Девочке было двадцать лет. Ее звали Ирада.

Рустаму имя понравилось. И девочка тоже понравилась: скромная, даже немножко запуганная. Ему было ее жалко. Рустам вообще был добрым человеком. Формы Ирады созрели

и налились, у нее была большая грудь и роскошные округлые бедра, но женственность еще не проснулась в ней. Она смотрела на Рустама, как на диковинную рыбу в аквариуме, – с интересом, но отчужденно.

Ираде – двадцать, Рустаму – тридцать шесть, Марине – сорок два. В сорок два уже не рожают. А в двадцать рожают – и не один раз, а сколько угодно. Это обстоятельство решило дело. Рустам хотел детей. Он уже созрел для отцовства, а Марина упустила все сроки. Марина не захотела рисковать. А кто не рискует, тот не выигрывает.

Мать Рустама страстно хотела внуков, и Рустам должен был учитывать ее желание. Желание матери в мусульманском мире – закон.

Все кончилось загсом. И скромной свадьбой. И после свадьбы – постелью. Близость с Ирадой, конечно же, получилась. Но не дуэт. Не Моцарт. Так... собачий вальс.

Рустам заснул и плакал во сне. Утром мать спросила:

– Ты ей сказал? – Она сделала ударение на слове «ей». Она никогда не называла Марину по имени.

– Нет, – хмуро ответил Рустам.

– Пойди и скажи, – твердо приказала мать. – Она все равно узнает. Пусть она узнает от тебя.

Рустам сел на троллейбус и поехал к школе. Он хотел приготовить слова, но слова не подбирались. Рустам решил, что сориентируется на месте. Какие-то слова придут сами. Она может сказать: «С русскими вы гуляете, а женитесь на своих». И это будет правда, но не вся правда. А значит, ложь. Он скажет Марине, что это ложь. А она ответит: «Ты женился на девушке, которую знал десять дней. А меня ты знал десять лет. И ты обещал, что не бросишь до смерти...»

Рустам подошел к школе, но не решился войти в помещение. Это была территория Марины, и он не рисковал. Ему казалось, что здесь ему поддадут ногой под зад и он вылетит головой вперед.

Вышел учитель физкультуры Гейдар. Они были знакомы.

– Привет! – поздоровался Рустам.

– Салям, – отозвался Гейдар. – Тебе Марину? У нее дополнительные занятия.

– Позови, а? – попросил Рустам.

Гейдар скрылся за дверью и скоро появился.

– Идет, – сказал он и побежал на спортивную площадку. Там уже носились старшеклассники, как молодые звери.

Если бы Рустам читал стихи, ему бы вспомнились строчки одной замечательной поэтессы: «О, сколько молодятины кругом...» Но Рустам не думал о стихах. Он принес Марине плохую весть. В старину такие люди назывались горевестники и им рубили головы, хотя горевестники ни в чем не виноваты. Они – только переносчики информации. А Рустам – виноват, значит, ему надо два раза рубить голову: и как виновнику, и как горевестнику.

Марина появилась на широком школьном крыльце, кутаясь в серый оренбургский платок. Было начало марта, ветер задувал сердито. Рустам увидел ее женственность и незащищенность. Она куталась в платок, как девочка и как старуха – одновременно.

Он вдруг понял, увидел воочию, что бросил ее на произвол судьбы. И зарыдал.

– Что с тобой? – Марина подняла и без того высокие брови.

Рустам рыдал и не мог вымолвить ни одного слова.

Марина знала эту его готовность к слезам. Он часто плакал после любви, не мог вынести груза счастья. Плакал по телефону, когда скучал. Рустам был сентиментальный и слезливый, любил давить на чувства. И сейчас, после десятидневной командировки, он стоял и давил на чувства. Дурачок.

Марина снисходительно улыбалась. Обнять на пороге школы на виду у старшеклассников она не могла. Поэтому спросила:

– Вечером придешь?

– Приду, – отозвался Рустам.

– Я побегу, – сказала Марина. – У меня там внеклассные занятия.

Она повернулась и пошла. Не догадалась. Ничего не почувствовала. И это странно. Марина была очень интуитивна. Она слышала все, что происходит в любимом человеке. А здесь – тишина. Видимо, в самом Рустаме ничего не изменилось. В его паспорте появился штамп. Но это в паспорте, а не в душе.

Марина ушла. Рустам остался стоять. Слезы высохали на ветру. «А в самом деле, – думал он, – почему бы не прийти вечером?» Что случится? Ничего не случится. Он ведь не может так резко порвать все корни своей прошлой жизни. Тридцать шесть лет – зрелый возраст: свои ценности, свои привязанности. Вот именно...

Вечером Рустам появился у Марины – с натюрмортом из сезонных овощей и фруктов, с куклой для Снежаны и с любовью для Марины, которая буквально хлестала из глаз и стекала с кончиков пальцев. Но в двенадцать часов ночи он засобирался домой, что странно. Рустам всегда ночевал у Марины. За ночь тела напивались друг другом, возникала особая близость на новом, на божественном, уровне. Для Марины эта близость была важнее, чем оргазмы.

– Не могу остаться, – сказал Рустам. – Мама заболела.

Мама – это святое. Марина поверила.

Мама болела долго. Год. Потом другой. Что же делать? Возраст...

Марина постепенно привыкла к тому, что он уходит. Ничего страшного. Ведь он возвращается...

Рустам приходил два раза в неделю: понедельник и четверг. Два присутственных дня. Остальное – с мамой. Этот режим устоялся. В нем даже были свои преимущества. Оставалось больше времени для детей.

Саша постоянно пропадал где-то, как мартовский кот. Приходил домой только поесть. Марина вначале волновалась, потом смирилась. Мальчики вырастают и вылетают, как птицы из гнезда.

Снежане – тринадцать лет, переходный возраст. Школа. Володька, законный отец, не интересовался детьми. Жил где-то в Иркутске со своей армянкой. Там тоже было двое детей.

Марина не понимала, как можно быть равнодушным к своей крови, к родной дочери, тем более она такая красивая и качественная. Чужие восхищаются, а своему все равно. Мусульмане так не поступают. Южные народы чадолюбивы. Лучше бы Рустаму родила. Но это если бы да кабы...

Снежана сидела в углу и учила к школьному празднику стихотворение Есенина. «Гой, ты, Русь моя святая...»

– Что такое «гой»? – спросила Снежана.

– Значит – эй, – объяснила Марина.

– Тогда почему «гой»?

Марина задумалась. Если бы они жили в России, такого вопроса бы не возникло. Она вздохнула, но не горько. Марина родилась в Баку, впитала в себя тюркские обороты, культуру, еду. Она любила этот доверчивый красивый народ. Она пропиталась азербайджанскими токами и сама говорила с легким акцентом. И не избавлялась от акцента, а культивировала его. И русское тоже любила – блины, песни, лица...

Марина была настоящей интернационалисткой. Для нее существовали хорошие люди и плохие. А национальность – какая разница...

Однажды Рустам уехал в Москву, в командировку. Сказал: на повышение квалификации. Он рос по службе и уже ходил в чине полковника.

Позвонил из Москвы и сообщил, что вернется через три дня, во вторник.

– Что приготовить: голубцы или шурпу?! – радостно прокричала Марина.

– То и другое, – не задумавшись ответил Рустам.

Марина поняла, что он голодный и хочет есть. Где-то шатается, бедный, среди чужих и равнодушных людей. А он привык к любви и обожанию. Его обожает мать, Марина, ее дети, брат Джамал. Он просто купается в любви, а без нее мерзнет и коченеет. Кровь останавливается без любви.

– Как ты там?! – крикнула Марина.

– Повышение квалификации! – крикнул Рустам.

Телефон щелкнул и разъединился.

Вечером позвонил встревоженный Джамал. Они были с Мариной знакомы и почти дружны. С женой Джамала Марина не общалась. Она видела, что та воспринимает ее вторым сортом. Не то чтобы джуляб, но не далеко.

– Рустам звонил? – спросил Джамал.

– Да. Он приедет во вторник, – услужливо сообщила Марина.

– А ребенок?

– Какой ребенок? – не поняла Марина.

– Его оставляют на операцию или нет? Что сказал профессор? – допытывался Джамал.

– Какой профессор? – Марина ничего не понимала.

Джамал замолчал. Трубку взяла его жена.

– Ребенка оставляют на операцию или отказались? – четко спросила жена.

– Какого ребенка?.. – повторила Марина.

– А ты ничего не знаешь?

– Что я должна знать?

Жена брата помолчала, потом сказала:

– Ладно. Разбирайтесь сами. – Бросила трубку.

Марина осела возле телефона... Во рту стало сухо. Она постаралась сосредоточиться. Итак: Рустам с каким-то ребенком поехал в Москву. Не на повышение квалификации, а показать профессору. Нужна операция. Значит, ребенок болен. Чей ребенок? Джамала? Но тогда Джамал сам бы и поехал. Значит, это ребенок Рустама. Он женился, и у него родился больной ребенок.

Марина вспомнила, как он рыдал на школьном крыльце. Вот тогда и женился. И с тех пор стал уходить домой ночевать.

Все выстроилось в стройную цепь. Обман вылез, как шило из мешка.

Рустам вернулся. Появился во вторник, как обещал. Его ждали голубцы и шурпа.

Он ел, и губы его лоснились от жира, капли стекали по подбородку.

Марина не хотела портить ему аппетит, но, когда он отодвинул тарелку и отвалился, спросила:

– Что сказал профессор? Он берется делать операцию или нет?

Рустам навел на Марину свои голубые глаза и смотрел незамутненным взором.

– Ты женат, и у тебя ребенок, – сказала Марина в его голубые честные глаза.

– Кто сказал?

– Джамал.

– А ты слушаешь?

– Еще как...

– Врет он все. Он мне завидует. Он не любит жену, просто боится. Не слушай никого.

У Рустама было спокойное, чистое лицо, какого не бывает у лгунов. Ложь видна, она прячется искоркой в глубине глаз, растекается по губам. Марина усомнилась: кто же врёт – Рустам

или Джамал? Можно спросить, устроить очную ставку. Можно в конце концов приехать к нему домой. Предположим, она увидит жену и сына. И что? Она скажет: ты меня обманул. Но разве он обманывал? Разве он обещал жениться? Он только любил. И сейчас любит. Оставил больного ребенка – и к ней. Любовь к женщине сильнее, чем сострадание. Рустам был любовником и остался им. И все же мать Марины оказалась права: они женятся на своих.

– Слушай только меня, и больше никого! – приказал Рустам и вылез из-за стола. – Все завидуют. Ни у кого нет такой любви...

Он икнул и пошел в душ.

Марина стелила кровать, но движения ее рук были приторможены. Руки уже не верили. И это плохой знак.

Потом они легли. От Рустама пахло не земляникой, как прежде, а тем, что он съел. Мясом и луком. Он дышал ей в лицо. Марина не выдержала и сказала:

– Пойди сполосни рот.

Рустам тяжело слез и пошел голый, как неандерталец. Было стыдно на него смотреть. И это тоже плохой знак.

Саша уехал первым. Он отправился в Москву с азербайджанскими перекупщиками овощей. В Москве торговал на базаре. Азербайджанцы держали его за своего. Акцент въелся как родной.

Там же на базаре познакомился с блондинкой, и Марина скоро получила свадебные фотографии. На фотографии Саша надевал обручальное кольцо на палец молодой невесте.

Невеста – никакая, мелкие глазки, носик как у воробья. Не такую жену хотела она своему Саше. Ну да ему жить...

Марина поплакала и устремила все свои чаяния на Снежану. Дочь ближе к матери.

Снежана заканчивала школу. В нее был влюблен одноклассник Максуд Гусейнов. Отец Максуда – министр.

Марина замерла в сладостном предчувствии. Ее дочь войдет в богатый, престижный дом. И тогда статус Марины резко поднимется. Она уже не учительница младших классов, разведенка, русский джуляб. Она – сватья самого Гусейнова, у них общие внуки. Денег у Гусейновых хватит на детей, внуков и еще на четыре поколения в глубину. Можно будет бросить дополнительные занятия, и даже школу можно бросить. Она будет появляться в тех же кругах, что и родители Рустама – актриса и генерал, и сдержанно здороваться.

Но произошло ужасное. Снежана влюбилась в мальчика с соседнего двора, татарина по имени Олег. Олег – старший в семье, у него десять братьев и сестер. Десять голодных голозадых татарчат ползают по всему двору и жрут гусениц.

Как это случилось? Как Марина просмотрела? Узнала от соседей. Оказывается, тот Олег каждый день ее провожает и они каждый день отираются в парадном. Мать – джуляб, и дочь в нее...

Марина поняла, что времени на отчаяние у нее нет. Надо немедленно вырвать Снежану из среды обитания и отправить подальше от Олега. В Москву. В Сашину семью. Саша нашел медицинский техникум. Не врач, но медсестра. Тоже хорошо.

Отправили документы. Снежана получила допуск.

Надо было лететь в Москву.

Марина поехала проводить дочь. Самолет задерживался. Зашли в буфет. Марина купила Снежане пирожное – побаловать девочку. Как она там будет на чужих руках? Сердце стыло от боли. Снежана жевала сомкнутым ртом. Ротик у нее был маленький и трогательный, как у кошки. Глаза большие, круглые, тревожные. Как любила Марина это личико, эти детские руки. Но любовь к дочери была спрятана глубоко в сердце, а наружу вырывалась грубость,

как ядовитый дым. Точно как у матери. С возрастом Марина все больше походила на мать – и лицом, и характером. Умела напролом идти к цели, как бизон.

– Максуд знает, что ты едешь в Москву? – спросила Марина.

– Да ну его... – ответила Снежана.

Так. Все ясно. Статус останется прежним и даже упадет. Деньги Гусейновых будут служить другим.

– А этот... – Марина даже не захотела выговорить имя «Олег». – Этот знает?

– Я буду ему писать, – отозвалась Снежана. Не хотела распространяться.

– Скажи, пожалуйста, – вежливо начала Марина, – почему тебя тянет в самую помойку?

– Я его люблю. А твоего Максуда терпеть не могу. У него пальцы как свиные сардельки.

– При чем тут пальцы?

– А что при чем?

– Перспективы, – отдельно произнесла Марина. – Какая перспектива у твоего аульного татарина? Метла? И что у вас будут за дети?

Снежана сморгнула, и две слезы упали в чашку с чаем.

– Не могу... – Марина растегнула кофту. Ей не хватало воздуха.

Подошла официантка Джамиля, бывшая ученица Марины. В городе было полно ее учеников. Девочки, как правило, не тяготели к высшему образованию.

– Здравсьте, Марина Ивановна, – поздоровалась Джамиля. – Передали, рейс опять задерживается. Вы слышали?

– Ты иди, – участливо предложила Снежана. – Я сама улечу.

Марина растерянно посмотрела на Джамилю.

– Идите, идите... Я за ней присмотрю.

– Что за мной смотреть? – пожала плечом Снежана. – Что я, ребенок?

Марина поняла, что серьезного разговора с дочерью не получится. Слишком тесно стоят их души. Снежане эта теснота невыносима. Ей будет спокойнее, если Марина уйдет и перестанет мучить.

Марина ушла. Она ехала на автобусе и тихо плакала. Снимала слезы со щеки. Как медленно тянулся каждый день. И как мгновенно промчались семнадцать лет. И теперь вот Снежана уезжает. И хорошо, что уезжает. Первая любовь – нестойкая. С глаз долой, из сердца вон.

Марина вошла в свою квартиру через полтора часа, и тут же зазвенел звонок. Звонила Джамиля. Она сообщила, что Снежана не дождалась самолета. За ней приехал высокий черный парень, и они вместе куда-то испарились. И на посадке Снежаны не было.

– А билет? – растерянно спросила Марина.

– Ну вот... – ответила Джамиля. Что она могла добавить?

Билет пропал. Снежана сбежала с Олегом.

У Марины горело лицо, как будто наотмашь ударили дверью по лицу. «Ну вот...» – повторяла она.

Мать не знала любви и не понимала Марину. Но ведь Марина знает, что такое любовь-страсть, а тоже не понимает дочь. Что это? Конфликт поколений? Нет. Если бы Снежана выбрала Максуда – воспитанного и начитанного мальчика, золотого медалиста, – никакого конфликта поколений не было бы.

И дело не в деньгах. Дело в общении. В атмосфере семьи. Но с другой стороны, Рустам – тоже не философ. А она была с ним счастлива. И даже сейчас, после вранья, – тоже счастлива.

Марина металась по квартире, хотела бежать, но не знала куда. Она не знала, где живет этот Олег, будь он трижды проклят. Марина металась и билась о собственные стены, как случайно залетевшая птица.

Пришел Рустам – ясный и простодушный, как всегда. Марина ударилась о Рустама. Он ее поймал, прижал, пригрел. Она утихла в его руках.

– Как будет, так и будет, – философски изрек Рустам. – Что такое семнадцать лет? Это только начало. Рассвет. Даже раньше, чем рассвет. Первый солнечный луч. Пусть будет Олег. Потом другой. Зачем отдирать по живому? Само отвалится. Только бы не было последствий в виде ребенка.

Последствия не заставили себя ждать. Снежана ходила беременная. Марина узнала об этом через чужих людей. Снежана не звонила и не появлялась. Видимо, боялась.

Марина закрывала глаза и молилась, чтобы ребенок не появился на свет. Умер во чреве. Грех, грех просить такое у Бога. Но ребенок – крепкая нить, которая привяжет Снежану к Олегу. А Марина хотела получить дочь обратно, отмыть, нарядить и пустить в другую жизнь, где чисто и светло. Как у Хемингуэя.

Снежана появилась через полтора года с восьмимесячной девочкой на руках. Значит, тогда в аэропорту она была уже беременна.

Снежана размотала нищенские тряпки, и оттуда – узенькая, как червячок, – возникла девочка. У нее было русское имя – Александра, Аля. Она посмотрела на Марину и улыбнулась ей, как будто узнала. И улыбка эта беззубая резанула по сердцу. Марина тоже ее узнала. Родная душа прилетела из космоса.

Марина взяла девочку на руки и больше не отдала. А Снежана и не требовала обратно. Она собралась в Москву, учиться в медицинском техникуме.

Мать оказалась права. Теперь Снежана соглашалась с доводами Марины. Олег – это дно. Там жить невозможно. Даже собаки живут лучше.

«В Москву, в Москву...» – как чеховские три сестры.

Снежана – в Москву. А Марина – с маленьким ребенком на руках и с Рустамом два раза в неделю.

Сказать, что Марина любила Алю, значит не сказать ничего. Она ее обожествляла. Девочка – вылитый отец, смуглая, с большими черными глазами, вырезанными прямо. Уголки глаз – не вниз и не вверх, а именно прямо, как на иконах. Носик ровный, а рот – как у котенка. Снежанин рот. Должно быть, Олег был красивым. Марина, ослепленная ненавистью, даже не рассмотрела его. А он был красивый и, наверное, нежный.

Теперь, когда Снежана его бросила, Марина была мягче к Олегу, но видеть не хотела. А зачем? И ребенка не хотела показывать. Она не хотела Алечку с кем-то делить. Даже с родным отцом. Надо сказать, что Олег и не настаивал. Он боялся Марины, как мелкий травоядный зверь боится крупного. Бизона например. Не сожрет, так затопчет.

Когда Марина вспоминала свои непотребные молитвы, касающиеся беременной Снежаны, ее охватывал жгучий стыд, смешанный с ужасом. А если бы Бог послушал? Но, слава богу, он не прислушивается к глупостям. Он их игнорирует. Простил глупую бабу.

Алечка росла, развивалась и каждый месяц умела делать что-то новое: сказать «баба», «дай», хлопать в ладошки.

Настала осень, школьная пора. Алечку пришлось отдать в ясли. Потом в детский сад. Все сначала, как тридцать лет назад. И та же бедность, как в начале жизни.

Рустам не помогал. Откуда? Натюрморты от родственников перекочевали в семью. Он не мог разрываться на два дома. На Восьмое марта подарил вигоневый шарф в клетку: зеленую, черную и красную. Мрачный такой, красивый шарф. Вот и весь навар от Рустама. Но Марина не думала ни о каком наваре. Рустам пришел, чтобы украсить и осмыслить ее жизнь. Вот его роль и функция. Единственный человек, с которым Марина не была бизоном, – это Рустам. С ним она была – голубка. И его два присутственных дня уравнивали и освещали всю неделю.

Правда, бывают мужчины, которые и осмысливают, и зарабатывают, и женятся. Но это у других.

От Саши пришло письмо. У него родился сын. Назвали Максим. Сейчас все мальчики – Денисы и Максимумы. И ни одного Ермолая. Только у Солженицына.

Снежана вышла замуж за хорошего парня, зовут Олегом. Опять Олег. Русский, золотые руки, работает автомехаником.

Марина подняла глаза от письма. Автомеханик – тоже не профессор. Рабочий класс. Саша продает на базаре овощи. Ее дети не подняли жизненную планку.

Но самое интересное – Снежана не спрашивала: как Аля, как ее здоровье, на что они живут? Снежана отрезала от себя прошлую жизнь вместе с Алей, поскольку Аля – тоже часть ее прошлой жизни. Ничего себе...

Марине стало жгуче жаль свою маленькую внучку, которая никому не нужна, кроме своей бабушки. Но ничего... Бабушка еще в силе. Ее надолго хватит...

Вставали рано. Марине – в школу. Алечке – в сад.

Марина поднималась первая. Внучка сладко спала, подложив руки под щеку. Жалко было будить. Марина зажигала свет. Алечкины веки вздрагивали. Световой сигнал выдергивал ее из глубокого сна.

Потом Марина начинала ходить по комнате, пол скрипел, посуда в серванте отзывалась легким звоном. Эти слуховые сигналы тащили Алечку из глубокого сна на поверхность. И наконец она открывала глазки. Хныкала. Хотелось спать. Как хочется спать растущему организму. Но надо вставать. Это проклятое слово – надо. Не хочешь, а надо. Кому надо, спрашивается...

Рустам тоже любил Алечку, качал на ноге, пел песни по-турецки. Марина обмирала: вдруг уронит? Стояла рядом и следила.

Рустам смешно пел непонятные слова. Аля радостно дрожала личиком. Марина расслабленно улыбалась. Святое семейство.

Казалось, что так будет всегда. Но ничего не бывает всегда. Как говорила старуха соседка: «Чисто не находишься, сладко не напьешься...»

Настала перестройка. И грянул Сумгаит.

Чушки – так называли азербайджанцев из района – потекли, как мутные реки, в город. Резали армян. Чушки шли в домоуправление, брали списки жильцов, вычленили армян и шли по адресам. Смерть приходила на дом.

Такого не было с 1915 года, когда турки резали армян с нечеловеческой жестокостью. Все повторилось через семьдесят лет. Чушки гонялись за армянами, которые были повинны только в том, что они армяне. Армяне защищались как могли. Карабах, Карабах – вся страна была взбудоражена этим круглым словом, катящимся, как камень с горы.

Азербайджанцы считали Карабах своей землей, поскольку она географически находилась на территории Азербайджана. Армяне считали Карабах своим, поскольку из глубины веков заселяли и возделывали эту землю.

Можно было бы все так и оставить, пусть каждый считает своей. Какая разница? Живут в дружбе, и все... Но дружбу сменила ненависть.

Ненависть – фатальное чувство, такое же, как любовь, но со знаком минус. Ненависть – как эпидемия. Охватывает все пространство и не знает границ. С армян перекинулась на русских. Неверные должны освободить мусульманскую землю. Азербайджан – для азербайджанцев. Все, кто другие, – езжайте к себе. И даже в школу занесло эту националистическую заразу. Директор-азербайджанец много молчал, сжав рот курьей гузкой. Дети дрались без причин.

Марина чувствовала себя виноватой непонятно в чем. Она боялась ездить в автобусе, боялась заходить в магазин. На нее смотрели с брезгливым пренебрежением. Хамили. Русский джуляб – это самое мягкое, на что можно было рассчитывать. Однажды двое молодых и вонючих затащили в подворотню и дали обломком кирпича по голове. Удар был не прямой, а скользящий. Содрало кожу. Кровь полилась, как из подрезанной овцы. Марина заорала во всю силу легких. Чушки вырвали у нее сумку и убежали.

В сумке было всего пять рублей и губная помада. И удар – она это чувствовала – неопасный для жизни. Так что, можно сказать, легко отделалась. Но Марина не замолкала. Стояла и кричала, плакала – и было в этом крике все: и предательство города, и предательство Рустама. И четкое понимание, что ничего уже нельзя изменить.

Марина решила уехать.

В Москву. К детям. Ее место – возле детей. Что ей сидеть возле женатого Рустама...

В Россию. В Москву, в Москву...

Настала минута прощания.

Рустам помогал собрать вещи, принес пустые коробки из-под марокканских апельсинов и моток бельевой веревки. Все-таки какая-то польза от него была.

Молча паковали книги, посуду. Рустам был деловит, но подавлен. Потом поднял голову и спросил:

– А как же я?

– Ты будешь жить с женой и воспитывать сына, – ответила Марина.

Он понял, что она все знает. Наивный человек, он до сих пор полагал, что Марина ему верит безоглядно.

Рустам опустил голову. Врать дальше он не хотел. Вернее, хотел, но в этом вранье уже не было никакого смысла.

– Что с твоим сыном? – спросила Марина.

– Врожденный порок сердца.

– Это опасно?

– До пятнадцати лет живут, – ответил Рустам.

– А сейчас ему сколько?

– Пять.

Значит, осталось еще десять. Одно дело – растить свое продолжение, а другое дело... Марине страшно было даже думать об этом. Она не хотела ставить себя на место Рустама даже в воображении. Бедный Рустам...

– Когда ты женился? – спросила Марина. – Когда к школе пришел? Когда плакал?

– Да...

– А почему не сказал?

– Я не мог. Ты прости...

Рустам заплакал, но иначе, чем всегда. Обычно он плакал, как ребенок, чтобы видели и сочувствовали и утешали. Это был плач-давление. А сейчас он плакал, как мужчина. Прятал лицо.

– Я тебя прощаю, – сказала Марина. Он заплатил судьбе сполна. Что уж теперь считаться...

Она обняла его за голову. От его волос пахло чем-то родным и благодатным. От них ушло общее будущее, но прошлое осталось и въелось в каждую клетку. Все-таки любовь, если она настоящая, остается в человеке навсегда. Как хроническая болезнь.

Марина собралась в Москву не с пустыми руками. Она сосредоточилась и выгодно продала квартиру соседям – за шесть тысяч долларов. Деньги по тем временам немереные. Если перевести на рубли – миллионы. Считай, миллионерша.

Марина все узнала: можно прописаться в квартире сына или дочери. Не временно, а постоянно. Имея постоянную прописку, можно устроиться работать по специальности. Учителей не хватает, поскольку никто не хочет работать за маленькие деньги. Но маленькие – тоже деньги. Марина умела виртуозно экономить. Она могла бы даже написать диссертацию на тему «Выживание индивида в современных условиях».

Предстоящая жизнь рисовалась так: Саша с женой, двое детей – Максим и Аля. И она – глава рода, на хозяйстве и воспитании детей. Молодые работают. Марина – держит дом. Все логично. Впереди – счастливая старость, ибо нет большего счастья, чем служить своим детям.

Поезд отходил через сорок минут. Пришлось взять целое купе, иначе не уместились бы узлы и коробки. Провожал Рустам. А кто же еще...

Марина позвонила в Москву с вокзала. Набрала код Москвы и номер Сашиного телефона.

– Алё, – раздался молодой плоский голос. Марина догадалась, что это жена Людка.

– Сашу можно?! – закричала Марина.

Она не доверяла технике, а ей необходимо быть услышанной.

– Его нет. А кто это?

– Марина Ивановна. Его мама.

– Ну... – скучно отреагировала Людка. – И чего?

– Передайте Саше, что я еду. Пусть он меня встретит послезавтра в семь утра, поезд Баку – Москва, вагон четыре, место шестнадцать...

Марина ждала, что Людка возьмет карандаш и все запишет: время прибытия, номер вагона. Но Людка недовольно спросила:

– В гости, что ли?

– Почему в гости? Жить.

– К нам?

– А куда же еще? – удивилась Марина.

Людка оказалась тупая. Мать едет к сыну. Что тут долго разговаривать? Но Людка, видимо, считала по-другому: сначала надо спросить разрешения, а не ставить перед фактом.

Марина бросила трубку. Вернулась к вагону. Рустам держал Алечку за руку, поглядывал на часы.

– Иди, – сказала ему Марина. Забрала Алечкину руку в свою.

Марина не хотела дожидаться той минуты, когда поезд тронется и Рустам побежит рядом, задыхаясь, чтобы хоть на секунды отодвинуть расставание. Ей было его жаль.

Жалеть надо было себя – сорвалась с места, как осенний лист, ни кола ни двора, и как там ее встретят, да и встретят ли... Жалеть надо себя, но она жалела Рустама – своего третьего ребенка. Как он будет справляться с жизнью, бедный мальчик, у которого еще один бедный мальчик...

Слезы жгли глаза, но Марина стиснула зубы.

– Иди, Рустам... – приказала она. – Иди и не оборачивайся.

Рустам послушался, он привык ей подчиняться, и пошел не оборачиваясь. Он уходил в свою жизнь, где больше не было счастья, а только долг и страдания.

Марина не спала всю ночь. Жалость и упреки скребли душу как наждачная бумага. И непонятно, встретит ее Саша или нет.

Саша подошел к вагону и привел друзей. И они ловко погрузили в машину «рафик» все ее узлы и коробки.

Алечка стояла возле машины, тепло закутанная. Марина боялась перемены климата.

– Мне снились лошадки, – сказала Алечка.

– Да? – отреагировал Саша. Ему не хотелось вникать. Марина поняла: поезд ночью вздрагивал, покачивался, и Алечке казалось, что она едет на лошадках.

Марина наклонилась и поцеловала свою дочку-внучку. Ей было жалко ее, стоящую в толпе среди чужих, равнодушных людей.

Начиналась московская жизнь.

Москва

Саша подавил яростное сопротивление жены, и Марина с Алей поселились в их двухкомнатной квартире, в районе Братеево. Братеево – название бывшей деревни. Марине казалось, что она попала не в Москву, а в город Шевченко с тоскливо одинаковыми блочными строениями.

Какой смысл жить в Москве, если обитаешь в Братеево? С таким же успехом можно жить в Тамбове или в Туле.

Снежана с мужем снимали комнату в Химках. Но даже туда Марина не попала, потому что ее не звали. Снежана с мужем сами приехали в гости, привезли торт и бутылку шампанского. Алечке – ничего.

Марина даже онемела от возмущения. Не видеть дочь четыре года и приехать с пустыми руками. Это что-то уж совсем непостижимое.

Отправляясь в Москву, Марина побаивалась, что Снежана заберет Алю. Но Снежане это и в голову не приходило. Она вся была в своем новом Олеге.

Новый Олег – с бородой и глазами как у Че Гевары. Но без беретки. Держался скромно.

Марина с места в карьер поинтересовалась квартирным вопросом и выяснила, что Олег со Снежаной снимают комнату в коммуналке.

– А где вы раньше жили? – спросила Марина у Олега.

– С родителями, – ответил Олег.

– Тоже в коммуналке?

– Нет. У нас трехкомнатная квартира.

– Вы там прописаны? – допрашивала Марина.

– Ну да...

– А почему вы не можете жить в одной из трех комнат? Разве лучше снимать? Выбрасывать деньги на ветер?

Снежана сжалась. Она видела, что мать ступила на тропу бизона и теперь будет переть, затапывая всех и вся на своем пути.

– Я предпочитаю жить отдельно, – сдержанно ответил Олег. Он видел, что не нравится теще, и это его сковывало.

Марина догадалась, что родители Олега недовольны его браком на женщине с ребенком. Если прописать Снежану, то автоматом надо прописывать и Алю. Они не хотели чужого ребенка. Кому нужны чужие дети...

– Вы можете разменять жилплощадь, – подсказала Марина.

– Родители меняться не хотят. Они там привыкли. А судиться с ними я не буду.

– Почему? – Марина не видела другого выхода кроме суда.

– Потому что это противоречит моим принципам. – Олег твердо посмотрел на тещу. – Родители уже старые, а я молодой. У меня профессия. Я все себе заработаю.

– Правильно, – одобрила Людка. – Поведение настоящего мужчины...

Для Людки было главным закончить дебаты и поднять рюмку. И залить глаза, тем более что на столе стояла классная закуска, приготовленная Мариной: паштет из печенки, три вида салатов, селедочка под шубой, а на горячее – утка в духовке, обмазанная медом. Запах по всему дому.

– За воссоединение семьи! – произнес Саша и метнул рюмку в рот.

Марина заметила, что он не пьет, а именно мечет – одну за другой. Научился. Еще Марина видела, что он заматерел, расширился в плечах, стал похож фигурой на Володьку, но выше ростом.

Семья накинулась на закуски. Максим ел не вилкой, как положено, а столовой ложкой, чтобы больше влезало.

Марина подвинула ему вилку и шлепнула по руке. Она не любила Максима за то, что он был похож на Людку. Копия. Те же мелкие глазки и воробьиный носик. Ей было стыдно сознаться даже себе самой, что она недолюбливает своего внука. Алю любила до самозабвения, а к Максиму – никакого чувства. Как к чужому. Людка это видела и обижалась: мало того что приперлась с ребенком и теперь в двух комнатах живут пять человек. Общежитие. И плюс к общежитию она не любит Максима и позволяет себе это не скрывать. Устанавливает свои порядки на чужой территории. И Людка, хозяйка дома, должна все это терпеть...

Но сейчас ей было весело, впереди предстояла реальная выпивка, закуска и десерт – торт с розами.

Марина не любила шампанское, у нее начиналась отрыжка. И тяжелые масляные торты, бьющие по печени, она тоже не ела.

Марина поднялась из-за стола и пошла на кухню. На кухне всегда есть дела: шкварчала в духовке утка. Марина отворила дверцу духовки. Жар пахнул в лицо.

«Заработает... – думала Марина. – Когда это он заработает? Десять лет уйдет. Вся молодость будет пущена на заработки. Копить... Во всем себе отказывать... А жить когда?»

В кухню вошла Снежана. Остановилась молча.

– Он тебе не нравится? – тихо спросила Снежана.

– При чем тут я? – удивилась притворно Марина. – Тебе жить.

– Вот именно, – твердо сказала Снежана. – Я тебя очень прошу, не вмешивайся. Хорошо? Если он тебе не нравится, мы не будем сюда приходить.

Значит, Снежана готова была обменять мать и дочь на чужого нищего мужика. Она пришла договариваться, чтобы бизон не вытаптывал ее пшеницу.

Марина выпрямилась, смотрела на Снежану. Тот же черный костюмчик, в котором она пять лет назад сидела в аэропорту. Другого так и не купили. Тот же кошачий ротик, встревоженные полудетские глаза. Все это уже было... Этот урок уже проходили.

Марина обняла дочь, ощутила ее цыплячьи плечики.

– От тебя уткой пахнет, – сказала Снежана, отстраняясь. И это тоже было – у Марины с ее матерью. Только тогда пахло капустой...

Ну почему самые близкие, самые необходимые друг другу люди не могут договориться? Потому что Россия – не Азербайджан. Там уважают старших. Старший – муаллим, учитель. А здесь – старая дура...

У Людки было два настроения: хорошее и плохое. Людка работала в парфюмерном отделе большого универмага. За день уставала от людей. Приходила домой в плохом настроении: хотела есть и ревновала Сашу. Ей казалось, он всем нужен. Стоит на базаре, как на витрине, и любая баба – а их там тысячи – может подойти и пощупать ее мужа, как овощ. Саша казался Людке шикарным, ни у кого из ее подруг и близко не было такого мужа. И когда кто-то говорил о Саше плохо, она радовалась. Значит, кому-то он может не нравиться. Меньше шансов, что уведут.

Людка возвращалась домой никакая, садилась за стол. Обед уже стоял, накрытый чистой салфеточкой. Так Марина ждала когда-то Рустама. А под салфеточкой – фасоль, зелень, паштет. На сковороде – люля-кебаб из баранины. У Марины была азербайджанская школа – много зелени и специй. Бедная Людка никогда так не питалась. Ее повседневная еда была – яичница с колбасой и магазинные пельмени.

Людка молча поглощала еду в плохом настроении, потом шла в туалет и возвращалась в хорошем – легкая, лукавая, оживленная.

– Мам... – обращалась она к Марине.

Марину коробила простонародная манера называть свекровь мамой. Ну да ладно.

– У нас на первом этаже есть сосед – алкаш Димка Прозоров.

Марина отметила, что Прозоров – аристократическая фамилия. Может быть, Димка – опустившийся аристократ.

– Так вот, у него трехкомнатная квартира, он ее может обменять на двушку с доплатой.

– Какую двушку? – не поняла Марина.

– Ну, на нашу. У нас же две комнаты. А будет три. У каждого по комнате. Вам с Алей – одна. Нам с Сашей – спальня. Максиму – третья.

– А телевизор где? – спросила Марина.

– У вас. Не в спальне же.

– Значит, мы будем ждать, когда вы отсмотрите свои сериалы? У ребенка режим.

– Да ладно, мам, – миролюбиво сказала Людка. – Разберемся, ей-богу. В трех же лучше, чем в двух.

Людка поднялась и опять пошла в туалет. Оттуда вышла разругавшаяся, раскованная, как будто сняла себя с тормоза.

Марина представила себе квартиру алкоголика. Туда просто не войдешь.

– А какая доплата? – спросила Марина.

– Пять тысяч. – Людка вытащила из сумочки дорогие сигареты.

– Чего?

– Чего-чего... Ну не рублей же.

– Долларов? – уточнила Марина.

– Ну... – Людка закурила. Это был nepорядок, в доме дети, но Марина смолчала.

– А он что, один в трех комнатах? – удивилась Марина.

– У него семья, но они сбежали. – Людка красиво курила, заложив ногу на ногу. Ноги в капроне поблескивали.

– Сбежали, но ведь прописаны, – резонно заметила Марина.

– Пропишутся в нашей. Мы же их не на улицу выселяем. Мы им двухкомнатную квартиру даем. В том же подъезде. Привычка тоже много значит...

«Пять тысяч доплата, – размышляла Марина. – Тысяча – на ремонт. Итого шесть». Значит, она с ребенком остается без единой копейки. Заболеть – и то нельзя. А впереди – одинокая большая старость. Старость – всегда одинокая и больная, даже в окружении детей.

– Нет у меня денег, – отрезала Марина.

– Да ладно, мам... Вы квартиру продали. У вас больше есть.

Откуда она знает? Наверное, Алечка проговорила. Алечка, как старушка, везде сует свой нос. А что знают двое, знает свинья. То есть Людка.

– Не дам! – отрезала Марина. – Мне пятьдесят лет. И оставаться с голым задом я не хочу.

– Мам... Ну вы ж приехали... Вы ж живете. Я ведь вас не гоню. Почему не вложиться? Внести свою долю в семью.

Марина вырастила сына, Людкиного мужа. Это и есть ее доля.

– Слово «нет» знаешь? – спросила Марина.

– Ну ладно... На нет и суда нет, – философски заметила Людка и удалилась в туалет.

Оттуда она не вышла, а выпала. Головой вперед.

Марина стояла над ней, не понимая, что же делать. Людка была громоздкая, как лошадь. Марина затащила ее на половик и на половике, как на санях, отвезла в спальню. Дети бежали рядом, им было весело. Думали, что это игра.

Потом они втроем громоздили Людку на кровать. Максим снимал с нее обувь. Алечка накрывала одеялом.

Дети по-своему любили Людку и не боялись ее.

Марина решила проверить туалет и нашла в сливном бачке бутылку водки. Ей стало все ясно: вот откуда Людка черпает хорошее настроение.

Вечером, дождавшись Сашу, Марина спросила:

– Ты знаешь, что Людка пьет?

– А как ты думаешь? – отозвался Саша. – Ты знаешь, а я нет?

Он устал и был голоден. Марина с любовью смотрела, как он ест. Нет большего наслаждения, чем кормить голодного ребенка. Марина старалась не отвлекать его вопросами, но не выдержала:

– А что, не было нормальных порядочных девушек? Обязательно пьянь и рвань?

– Поздно было, – спокойно ответил Саша. – Максим родился.

– А почему ты мне не писал?

– О чем? – не понял Саша. – Я написал, когда Максим родился.

– О том, что твоя жена алкоголичка.

– Я не хотел, чтобы ты знала. Теперь знаешь.

– А что же делать? – спросила Марина.

– Понятия не имею. Я не могу бросить ребенка на пьющую мать. И Людку я тоже бросить не могу.

– Почему?

– Мне ее жалко. Что с ней будет, посуды сама...

– Надо жалеть себя. Во что превратится твоя жизнь...

– Значит, такая судьба...

У Саши было спокойное, бесстрастное лицо. Как у Володьки. Но эту черту – жалеть другого вместо себя – он перенял у матери. Однако Марина совмещала в себе бизоний напор и сострадание. А у Саши – никакого напора и честолюбия. Одно только сострадание и покорность судьбе.

Марина стала вить гнездо. Она всегда гнездилась, даже если оказывалась в купе поезда – раскладывала чашечки, салфеточки, наводила уют. Прирожденная женщина. Недаром Рустам околачивался возле нее столько лет...

Первым делом Марина выбросила старый холодильник «Минск». Ему было лет сорок. Резина уже не держала дверцу, пропускала теплый воздух. Еда портилась. Марина отдала «Минск» Диме Прозорову, а в дом купила холодильник немецкой фирмы «Бош». Марина влезла в святая святых, в свои доллары, вытащила громадную сумму, шестьсот долларов, и завезла в дом холодильник – белый, сверкающий, с тремя морозильными камерами, саморазмораживающийся. Лучше не бывает.

Людка увидела и аж села. Не устояла на ногах.

– У-я... – протянула она. – Сколько же стоит этот лебедь-птица?

– Не важно, – сдержанно и великодушно ответила Марина. Это было ее вложение. Ее доля.

Людка отправилась в туалет. Марина решила, что сейчас – подходящее время для генерального разговора.

– Я пропишусь, – объявила Марина, когда Людка вернулась и села закурить. Закрепить состояние. – Я пропишусь, – повторила Марина. Это была ее манера: не спрашивать разрешения, а ставить перед фактом.

– Где? – насторожилась Людка и даже протрезвела. Взгляд ее стал осмысленным.

– Где, где... – передразнила Марина. – У своего сына, где же еще...

– Значит, так, – трезво отрубил Людка. – Ваш сын к этой квартире не имеет никакого отношения. Эту квартиру купил мне мой папа. Они с матерью копили себе на старость, а отдали мне на кооператив. Потому что я вышла замуж за иногороднего. Это раз.

– Но ведь Саша здесь прописан... – вставила Марина.

– Второе, – продолжала Людка, – если вы пропишетесь, то будете иметь право на площадь, и при размене мне достанется одна третья часть. Разменяетесь и засунете меня в коммуналку.

Стало ясно: Людка не доверяла Марине и ждала от нее любого подвоха.

– Если бы вы хотели, чтобы мы с Сашей нормально жили, вы бы вложили свои деньги.

А вы не хотите...

Марина отметила, что Людка не такая уж дура, как может показаться.

– Люда... – мягко вклинилась Марина.

Она хотела сказать, что человек без прописки – вне общества. Бомж. Она не сможет устроиться на работу и даже встать на учет в районную поликлинику... Но Людка ничего не хотела слушать.

– Нет! – крикнула Людка. – Слово «нет» знаете?

Вся конструкция жизни, выстроенная Мариной, рушилась на глазах, как взорванный дом.

Она могла бы сказать: «На нет и суда нет» – но суд есть. И этот суд – Саша.

Саша торговал на базаре, но не выдерживал конкуренции. Азеры – так называли азербайджанцев – имеют особый талант в овощном деле, в выращивании и в продаже. Они ловко зазывали покупателей, умели всучить товар, как фокусники. Молодым блондинкам делали скидку. Пожилых теток вытягивали на дополнительные деньги, манипулируя с весами. Килограмм произносили «чилограмм». И сколько бы их ни поправляли, не хотели переучиваться, и несчастный килограмм оставался с буквой «ч».

А Саша стоял себе и стоял. Покупатели обходили его стороной, от Саши не исходила энергия заинтересованности.

Покупатели спрашивали: «Виноград импортный?» Конкуренты рядом таращили глаза и били себя в грудь: виноград краснодарский... Хотя откуда в апреле виноград?

А Саша соглашался: да, импортный. А значит, выращенный на гидропонике, и витамины там не ночевали. Так... декорация. Вода и есть вода. И пахнет водой.

Дорогой товар портился. Хозяин штрафовал. Саша постоянно оказывался в минусе. Он не любил зависеть, а приходилось зависеть дважды – от покупателя и от хозяина.

Саша возвращался домой усталый, опустошенный.

Марина кормила его, вникала душой, ласкала глазами. Спрашивала:

– А раньше ты приходить не можешь?

– Если бы у меня была своя палатка, я поставил бы туда Ахмеда, а сам сидел дома, с тобой и с ребенком.

– Ахмед – это кто? – не поняла Марина.

– Наемный работник. Таджики.

– Ты его знаешь?

– Да нет. Они все Ахмеды. Таджики скромнее, чем азеры. Меньше воруют.

– Так поставь.

– Нужен начальный капитал. Знаешь, сколько стоит палатка? Три тысячи долларов.

Марина сидела, придавленная суммой. Три тысячи – половина ее квартиры.

– Я бы поставил палатку возле метро, зарегистрировался, заплатил за место – и вперед. Десять процентов Ахмеду, остальное – мое. Чистая прибыль. Маленький капитализм.

– А палатки подешевле есть? – поинтересовалась Марина.

– Стоит не палатка, а место. Надо платить тем, кто ставит подписи.

– А можно не платить?

– Можно. Но тогда тебе не дадут торговать.

– Мафия? – догадалась Марина.

– У каждого свое корыто. Если хочешь зарабатывать, надо тратить.

Саша ел, широко кусая хлеб, как в детстве, и его было жалко.

Марина поднялась и вышла из кухни. Через несколько минут вернулась и положила перед Сашей тридцать стодолларовых купюр.

Саша взял их двумя руками, поднес к лицу и поцеловал. Наверное, ему казалось, что это сон. И он проверял: сон или реальность?

– Ты что? – удивилась Марина. – Грязные же...

– Твои деньги не грязные. Они святые. Через полгода я тебе все верну...

– Да ладно, – снисходительно заметила Марина. – Когда вернешь, тогда и вернешь.

Она гордилась своей ролью дающего. В ней все пело и светилось.

– Не жалко? – проверил Саша.

– Нет... – Марина покачала головой. И это была чистая правда.

Людка за стеной говорила с кем-то по телефону. Бубнила басом. И не знала, какие эпикальные события свершаются без ее ведома и за ее спиной.

Также за спиной и без ведома Людки Марина отнесла остальные деньги в банк МММ. Об этом банке она узнала из телевизора. Все программы были забиты Леной Голубковым. Леня стал народным героем, как Чапаев. Он осуществлял народную мечту – разбогатеть на халяву.

Люди наивно верили, что деньги можно вложить в банк и они вырастут сами, как дерево. Эту народную наивность и доверчивость плюс экономическую безграмотность использовали ловкие Мавроди. Создали пирамиду, которая должна была неизбежно рухнуть. И рухнула. И что интересно, целая толпа обманутых вкладчиков отказывалась верить в коварство Мавроди и защищала его, собираясь на митинги.

Марина на митинг не пошла. Она поняла все сразу. В Марине сочетались доверчивость и тертость. Поэтому она понимала и народ, и Мавроди. И еще она поняла, что деньги сказали «до свидания» – и это с концами. Концов не найдешь.

У Марины высох рот – произошел выброс адреналина в кровь. Так организм реагирует на стресс. Она стала мелко-мелко креститься и прочитала «Отче наш» от начала до конца. А что еще? Не в милицию же бежать.

Прошло полгода. Саша деньги не вернул по очень простой причине. Ее можно было предвидеть. Явились конкуренты и подожгли палатку. Утром Саша вышел из метро и сразу увидел перекореженный огнем остов палатки. Три тысячи унеслись в небо, превратившись в дым.

Саша пришел домой, внутренне обугленный и обожженный, как его палатка. Марина вдруг поняла, что Сашу могли сжечь вместе с палаткой или отстрелить в подъезде. Но ограничилось поджогом. И слава богу... Марина стала мелко-мелко креститься, приговаривать: «Господи, спаси и сохрани...»

Кроме Господа, ей не к кому было обратиться...

Неудовлетворенности накапливались, собирались в критическую массу. И однажды случился взрыв.

Причина – пустяковая, как всегда в таких случаях.

Дети разодрались из-за игрушки. Марина взяла сторону Али, а Людка, естественно, сторону Максима. С детей перешли на личности, в прямом смысле этого слова: начали бить друг друга морды.

Саша вбежал в комнату, стал отдирать Людку от матери. Но Людка дралась истово, как бультерьер. Саша облил ее водой из графина. Людка отделилась на мгновение. Саша обхватил ее руками и, не зная куда деть, поволок на балкон.

Людка заорала: «Он меня выкинет!» Дети взвыли. У Саши было звериное лицо. Марина вдруг испугалась, что он ее действительно выкинет с седьмого этажа. И сядет в тюрьму.

Марина кинулась между ними и стала отдирать Сашу от Людки. И в конце концов ей это удалось.

Людка рыдала. Саша трясся, его бил нервный колотун. У Марины высох рот, язык стал шерстяной. Однако все обошлось без уголовки.

Разошлись спать. Было одиннадцать часов вечера.

Ночью Марина не спала. Она понимала: неудовлетворенности никуда не денутся, а, наоборот, накопятся. Противоречия со временем не исчезают, а обостряются. Марина никогда не согласится с пьянством Людки. А Людка не смирится со злобной бабой, которая ходит по квартире как шаровая молния. Того и гляди шарахнет и все сожжет.

У Людки была своя правда: тяга к спиртному ей передалась от отца. Наследственное заболевание. Такое же, как любое другое. Например, как диабет. Почему диабетиком быть не стыдно, а алкоголиком стыдно? Ее любимый поэт Высоцкий тоже был алкоголик. И ничего. Правда, рано умер, но много успел.

Можно, конечно, подлечиться, но, говорят, женский алкоголизм злой, лечению не поддается. Можно себя закодировать, но тогда ты – это уже не ты, а кто-то другой. Можно зашиться, но, если не выдержишь и выпьешь, умрешь в одночасье. Зачем такой риск? Пусть все идет как идет.

Марина ей мешала, как шкаф, который поставили посреди комнаты. Свекровь явилась как снег на голову и, вместо того чтобы сидеть тихо, как мышь, – командует, устанавливает свои порядки на чужой территории. Ни один зверь это не выдержит: перегрызет горло, забьет рогами...

Марина не спала в эту ночь. Она боялась за Сашу. Поставленный в безвыходное положение, он действительно выкинет Людку с балкона или утопит в унитазе. И сядет на большой срок.

Лучше она уйдет сама. Самоустранится. Но куда? К Снежане – невозможно, да и не хочется. Остается государство. Существуют миграционные службы, которые занимаются беженцами из горячих точек.

Беженцев где-то сортируют и селят. Надо узнать – где. В каком-нибудь отстойнике.

К утру Марина приняла решение: Алё – к матери. Сама – в отстойник. Хуже не будет. Да она и не волновалась за себя. Марина могла бы жить в пещере, есть корку хлеба в день, только бы знать, что у детей все в порядке.

Марина встала в шесть часов утра. Написала записку. И ушла. В сумке у нее лежало пятьдесят рублей.

Русские бежали из Узбекистана, из Баку, из Чечни...

Чиновники, которые занимались переселенцами из горячих точек, буквально сходили с ума. На них наваливалась лавина людей, враз потерявших все. Когда одни люди теряют все, а вокруг ходят другие, кто ничего не потерял, живут в своих домах, едят из своих тарелок, – создается перепад справедливости. И обиженные – точнее, несправедливо обиженные – становятся полузверьми, как собаки: они и ненавидят, и гавкают, и стелются. И готовы укусить за лучший кусок, и высоко подскочить, чтобы выхватить кусок первому.

Марине не пришлось ни стелиться, ни подскакивать. Она спокойно доехала до Белого дома, там находился регистрационный пункт. Ее зарегистрировали вместе с остальными, такими же как она. Среди беженцев многие были из Баку, и это радовало. Все равно что встретить на войне земляков.

После регистрации подогнали автобус и отвезли в пустующий санаторий на станцию Болшево.

Некоторых разместили в санатории, а Марине повезло: ее поселили в новом доме из красного кирпича, который недавно выстроили для obsługi санатория. Обслуга подождет, у них есть площадь. А у беженцев нет ничего.

Марине досталась отдельная комната в двухкомнатной квартире.

В соседнюю комнату подселили русскую беженку из Чечни Верку с десятилетней дочерью Аллой. Верка была подстарковатая для такого маленького ребенка. Выглядела на пятьдесят. Может, поздно родила.

Девочка была похожа на кореянку, ничего с Веркой общего. Может, украла. А может, муж был кореец.

Верка рассказывала ужасы: пришли боевики, пытали, вырывали зубы. Марина слушала и холодела. Ей еще повезло: один раз дали по башке, и то не сильно.

– А за что? – спросила Марина.

– Как за что? За то, что русская.

Мир сошел с ума. Армян убивали за то, что они армяне. Евреев – за то, что евреи. А русских – за то, что русские.

– А чем они драли зубы? – спросила Марина.

– Плоскогубцами... – Верка раскрыла рот и показала младенчески голые десны в глубине рта...

Марина удивилась. Передние зубы у Верки целы, не хватает коренных. Если бы боевики орудовали плоскогубцами, то выдирали бы те зубы, к которым легче доступ, – то есть передние.

Марина подозревала, что Верка – аферистка и фармазонка. Всякий люд встречался среди беженцев. Одни приbedнялись, ходили в лохмотьях, чтобы вызвать жалость. Другие, наоборот, наряжались в золото и приписывали себе научные звания.

Был и настоящий профессор марксистско-ленинской философии. Он хорошо готовил и переквалифицировался в повара. Работал на кухне санатория.

Беженцев кормили три раза в день. Кормили неплохо, так что ни о какой пещере и корке хлеба вопрос не стоял.

Верка раз в месяц ездила в Москву, в Армянский переулок. Там Красный Крест выдавал пособие на детей. Деньги копеечные.

Марина быстро сориентировалась и стала подрабатывать на соседних дачах.

Вокруг санатория стояли кирпичные коттеджи «новых русских». Марина мыла окна, убирала, готовила. Ей платили два доллара в час. Это тебе не Армянский переулок.

Верка говорила, что у нее высшее образование и самолюбие не позволяет ей убирать за богатыми. Как она выражалась, жопы подтирать... Марина так не считала. Можно и жопы подтирать. Работать не стыдно. Стыдно воровать.

«Новые русские» и их жены с Мариной не общались. Они говорили, что надо сделать, принимали работу и платили. Марина как личность была им совершенно не нужна и не интересна.

Вторая категория хозяев – богатые пенсионерки. Из бывших. Бывшие жены, бывшие красавицы. Они знакомились с Мариной, вникали, выслушивали, сочувствовали. Марина охотно шла на контакт и быстро соображала: что можно срубить с этой дружбы? Но срубить ничего не удавалось. Самое большое – старые шмотки. Дружба дружбой, а деньги врозь.

Марина была счастлива, что освободилась от ненавистной Людки. В разлуке ненависть обострилась. При воспоминаниях о невестке Марину буквально трясло. По Алечке скучала и терзалась мыслью, что пятилетняя девочка спит в одной комнате со взрослыми.

Жизнь без Али немножко потеряла смысл. Одно только выживание не может стать смыслом жизни. Вокруг Марины были такие же пораженцы, как она. Это уравнивало и успокаивало. Марина никому не завидовала, кроме семьи профессора-повара. Он уехал из Баку вместе с женой, и они ходили рядышком, как Гога с Магогой, руки калачиком.

Марина тоже хотела бы вот так же, руки калачиком, а не путаться под ногами у своих детей.

Отсутствие счастья вредно для здоровья. Мозг вырабатывает гормон неудовольствия, и человек расстраивается, как отсыревший рояль. И фальшивит. Должна быть пара. Комплект. Марина скрывала свою неукомплектованность, но затравленность стояла в глубине глаз.

Где ты, Рустам? Хотя понятно где. Со своей женой Ирадой. Нужен другой. Хоть кто-нибудь...

Сорокалетняя бухгалтерша Галина с нижнего этажа нашла себе жениха. Но никому не показывала. Наверное, стеснялась. Завидушая Верка предположила, что Галина выходит замуж по расчету. Но ведь настоящая любовь – тоже расчет. Человек берет сильное чувство и дает сильное чувство. Равноценный обмен.

Однажды Галина явилась с таинственным видом. У жениха есть родственник. Не старый, 55 лет. Желает познакомиться для создания семьи. Есть площадь в Москве и загородный дом с дровяным отоплением и без удобств. По объявлениям он знакомиться боится, мало ли на кого нарвешься. Лучше по рекомендации. Галина рекомендовала Марину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.